

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

Ф. А. АСАДУЛЛИН	заместитель председателя Духовного управления мусульман европейской части России, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, кандидат филологических наук
Е. М. АСТАХОВ	профессор кафедры дипломатии МГИМО (Университет) МИД РФ, кандидат исторических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посол
Е. ВЯТР	Почетный ректор Европейской высшей школы права и управления (Варшава, Польша), доктор социологии
А. ГАМИЛЬТОН	Ее Светлость герцогиня Аберкорнская (Великобритания)
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, чл.-корр. РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ
В. ИНГИМУНДАРСОН	профессор современной истории факультета истории и философии Университета Исландии, доктор философии
Х. КАРЗАЙ	директор-основатель Центра по изучению конфликтов и мира (Афганистан)
Г. КЁХЛЕР	президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия), профессор Университета Инсбрука, доктор философии
П. ван КРИКЕН	профессор международного права и прав человека Университета Вебстер (Лейден, Нидерланды), доктор
А. И. КУЗНЕЦОВ	директор Историко-документального департамента МИД РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол
Р. ЛЬЮИС	президент Международного института языкового и кросс-культурного тренинга “Richard Lewis Communications” (Великобритания), профессор
Х. А. МАРК	Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в РФ (2008–2011)
Т. О’ШИ	ректор Эдинбургского университета, Почетный доктор СПбГУП
Е. И. ПИВОВАР	член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета, доктор исторических наук, профессор
В. ПРОДАНОВ	член-корреспондент Болгарской академии наук, доктор философских наук, профессор
М. Л. ТИТАРЕНКО	директор Института Дальнего Востока РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
П. П. ТОЛОЧКО	директор Института археологии Национальной академии наук Украины, академик НАН Украины, иностранный член РАН, доктор исторических наук, профессор
У ЭНЬЮАНЬ	директор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Академии общественных наук КНР, профессор

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Здравствуйте, уважаемые коллеги. Хочу сказать несколько слов, которые, думаю, будут полезны для проведения сегодняшней дискуссии. Мы специально приглашаем к участию в Чтениях представителей разных областей научного знания, чтобы получить интегральное видение протекающих процессов в сфере диалога культур. Мы сегодня обсуждаем проблемы диалога культур не впервые, и Оргкомитет каждый раз обобщает высказывания наших гостей из разных регионов мира. Позвольте высказать в этой связи несколько тезисов.

Прежде всего необходимо обратить внимание на само понятие «культура». В мире активно развива-

ется наука культурология, которая изучает это понятие. Надо отметить, что оно — одно из самых сложных, так как у него более шестисот определений. Применительно к диалогу культур наиболее удобным нам представляется одно из самых старых определений понятия культуры — как всего того, что сделано руками и разумом человека за всю историю человечества. Это наиболее широкий и общий подход, при котором все, что происходит, допустим, в сфере экономики, является частью культуры. При таком подходе, например, юриспруденция, то есть вся сфера судопроизводства, законов, правоохранительной системы, находится внутри культуры, является ее частью. А также

административные институты, институты власти, выборные органы, пресса — все это является культурой и представляет собой определенные ее подсистемы, которые связаны с другими подсистемами определенными, иногда видимыми, иногда невидимыми нитями. Конечно, существуют и национальные представления об административных институтах, о юриспруденции, экономике, но все это — единый массив культуры, подсистемы которого связаны между собой огромным количеством различных нитей. Это первое, о чем хотелось бы сказать.

Второе. Когда мы говорим о диалоге культур, то имеем в виду диалог людей, которые выступают носителями различных интересов. Интересы разные, и в рамках культуры они, как мы знаем, не очень хорошо уживаются. В культуре существуют относительно обособленные, отдельные пласты. И в то же время считается совершенно определенным фактом существование глобальной культуры. Каждый из нас живет в мире многих культур: есть собственная культура семьи, есть культура нашего города, культура этноса, культура страны и есть глобальная культура. В глобальную культуру входит много разных явлений, например аэропорты и отели, когда мы перемещаемся по разным странам и видим, что есть одинаковые стандарты, правила поведения. Глобальную культуру составляют и другие компоненты, например наука, где закон Ома, представления Дарвина или таблица Менделеева не принадлежат какой-то одной культуре. Огромный массив естественно-научных знаний — это, конечно, факт глобальной культуры. Мы видим, что в последние годы массив элементов, которые являются достоянием всего человечества, непрерывно увеличивается.

Также мы видим, что по мере глобализации появляется и другая очень мощная тенденция — это тенденция к усилению роли национального фактора в культуре. В условиях глобализации каждый этнос старается как можно активнее защищать свою культуру. Если раньше мы думали, что есть опасность уничтожения национальных культур под влиянием глобальной культуры, то сейчас мы видим, что практически каждый этнос, каждая национальная культура усилиями конкретных людей, организаций, социальных институтов старается защитить сама себя. Получилось так, что опасность подавления национальных культур оказалась намного меньше, чем мы ожидали. Несколько лет назад на Лихачевских чтениях Михаил Пиотровский, директор Эрмитажа, высказал интересный тезис, что каждый человек должен учиться жить в разных культурах. На первый взгляд это почти невозможно, но выдающийся российский философ А. А. Гусейнов, директор Института философии Российской академии наук, выходец из Дагестана, на личном опыте показал, что это вполне возможно. Дагестан — маленький регион на Кавказе. Господин Гусейнов говорит, что меняет культуру (может быть, это не совсем удачное сравнение) так же, как иногда человек меняет костюм. Когда он приезжает в Дагестан, то мыслит на своем родном языке, языке этой небольшой горной республики, и ведет себя в соответствии с ее обычаями. Когда он возвраща-

ется в Москву, то ведет себя по нормам, обычаям российской культуры.

Тезис о том, что возможно жить в разных культурах, чрезвычайно важен, он помогает понять, как человек может освоить многообразие культур, не подавляя личную культуру, национальную культуру. Мне думается, положение о том, что человек может жить во многих культурах, очень важно для правильного понимания мультикультурализма. Мы видим, какой проблемой в странах Запада становится то, что различные этносы живут там согласно своей культуре и не интегрируются в культуру той страны, куда их представители приехали. К примеру, в Германии и во Франции. Конечно, у человека должен быть базовый язык как один из важнейших элементов общности. И в то же время человек должен говорить на нескольких языках и иметь возможность быть интегрированным в разные культуры, в том числе и в культуру той страны, где он живет.

Существует важная категория, которая обычно остается вне поля зрения людей, работающих в областях, не связанных с культурой, — это картина мира. Картина мира базируется на ценностях, и есть различия в национальном понимании ценностей. Но в то же время существует и понятие общечеловеческих ценностей. Насколько значимо это понятие, как оно работает? Я думаю, что оно не безусловно. Если мы рассмотрим, например, подход с точки зрения традиционных религий, то там есть, конечно, базовые понятия, такие как «этика», «честность», «долг», «ценность Родины», «ценность своей культуры» и т. д. Но в разных культурах это понимается по-разному; например в философии восточных религий очень многие вещи, такие как время, пространство, человеческая деятельность, понимаются качественно иначе, чем на Западе. Здесь присутствуют наши коллеги из других регионов, которые, сталкиваясь с западной культурой, наверное, хорошо это ощущают.

Итак, я высказал некоторые мысли и точки зрения, которые у нас сложились на протяжении ряда лет дискуссий на Лихачевских чтениях. Мне показалось, что эти соображения могут быть вам полезны в выстраивании своих выступлений, чтобы наша сегодняшняя дискуссия продолжала предыдущие.

Пользуясь случаем, от имени Оргкомитета хочу еще раз поблагодарить вас за участие в Чтениях, пожелать вам успехов в работе. Надеюсь, ваше пребывание в Петербурге будет плодотворным и останется приятным воспоминанием.

На этом, если позволите, я передам слово моим замечательным коллегам — академику Михаилу Леонтьевичу Титаренко, которого мы считаем великим ученым, и Александру Игоревичу Кузнецову, представляющему Министерство иностранных дел, которого мы очень хорошо знаем в научном мире как крупного российского дипломата. Господин Кузнецов вернулся на работу в Москву с должности Чрезвычайного и Полномочного Посла РФ в Испании. Он является одним из авторитетнейших российских дипломатов. Я хочу с удовольствием отметить участие в нашей дискуссии Хуана Антонио Марка, человека, который много лет

был Чрезвычайным и Полномочным Послом Испании в Москве. Хочу сказать добрые слова в адрес господина Льюиса, который представляет весьма интересную арену диалога культур, протекающего в сфере бизнеса. Здесь собрались выдающиеся, крупные ученые, практики и общественные деятели. Я восхищен выступлением госпожи Гамильтон (герцогини Аберкорнской), которая вносит в наш научный мир нотку человечности и душевного обращения к великим ценностям, которые необходимы каждой цивилизации и культуре. Благодарю вас за внимание. Желаю вам успехов!

М. Л. ТИТАРЕНКО: — Уважаемые коллеги, выступление организатора этого форума, ректора СПбГУП, академика Александра Сергеевича Запесоцкого задало тон нашей дискуссии, и я думаю, что мы продолжим в том же духе. Итак, первым приглашаем выступить профессора Евгения Михайловича Астахова.

Е. М. АСТАХОВ: — Междивизиционный диалог, разумеется, необходим, хотя на этот счет существуют разные мнения. И именно диалог, а не монолог, потому что просматривается попытка реализовать проект глобальной цивилизации, осуществляется курс на устранение геополитических соперников. Конечная цель, если отбросить все риторические «одежды», по крайней мере некоторых авторов этого проекта, — формирование единой глобальной культуры, единой нации, если хотите, с одним языком и единым мировым правительством. Первый этап реализации этого курса общеизвестен, не буду повторять: это и Белград, и Ливия, и Ирак, и Сирия, и другие страны, это и информационный прессинг против некоторых стран, в частности против России. Очевидно, что глобализация полезна в технологической сфере для коммуникационных связей между научными и производственными комплексами. Но глобализация ценностей контрпродуктивна, тем более ценностей западных, скажем, англосаксонского варианта цивилизации; например в определенных странах Западной Европы сегодня налицо утрата некоторых ценностей или их девальвация, и даже кое-где наблюдается отход от крестьянских ценностей. Теперь уже родители не мать и отец, а родитель № 1 и родитель № 2.

Но вернемся к информационному прессингу против России. Россия — естественный геополитический соперник, скажем, англосаксонской цивилизации, поэтому против нее направлены информационные технологии экспорта упомянутого проекта, нельзя не признать, что они успешно работают. Мы видим раскол в российском обществе в целом, в социально-экономической и культурно-конфессиональной сферах. Этот раскол имеет и внутренние, и внешние причины. С внутренними понятно: постоянно в российском обществе и в императорской России были какие-то противостояния — западники, почвенники и тому подобные, это давняя история. Но сегодня хотелось бы обратить внимание на чисто внешние причины — это импорт западных ценностей, причем постоянно усиливающийся. Речь идет не о вершинах европейской культуры, а о доступных продуктах массового потребления,

тем более что европейская культура близка русскому менталитету и эти простые, лежащие на поверхности вещи, делающие жизнь комфортной, с большой охотой принимаются. Я уже не говорю о том, что многие российские, я бы сказал, русские западники имеют сейчас на Западе свои материальные интересы. У многих там на постоянной основе живут жены, любовницы, дети, и работают они в России так называемым «вахтовым методом»: живут там, а сюда приезжают зарабатывать деньги, потому что на Западе все ниши заняты.

Конечно, мы видим определенные попытки со стороны Москвы противостоять этой вестернизации. Например, уже ведутся разговоры о едином учебнике истории, недавно в рамках Администрации Президента РФ было создано Управление по общественным проектам, которое будет заниматься патриотическим воспитанием. Но пока все эти попытки робкие и проводятся с определенной оглядкой опять-таки на Запад. А наступление, в том числе внутреннее информационное наступление, продолжается. Под крики о завинчивании гаек и ограничении режима свободы слова в России некоторые наши СМИ, причем находящиеся на финансировании государственных структур, не только критикуют, скажем, Путина, что вполне понятно, а устраивают настоящую травлю. Но, как это бывало в России не раз, метят в Путина, а попадают в Россию. Пока власть в Москве все это терпит, потому что исходит из того, что системная оппозиция управляема и к тому же дает аргумент для диалога с Западом, в том смысле, что у нас все-таки есть свобода слова и демократия — и все довольны. Ну и нельзя не признать, что работа нашей внутренней оппозиции через некоторые СМИ не охватывает все население, это надо понять. В нее вовлечены значительные круги московской и петербургской интеллигенции, это тоже очевидно. Но в принципе государственная пропаганда, да и контрпропаганда, у нас еще не на высоте: мы все время оправдываемся и защищаемся.

Может быть, это связано с тем, что сейчас нет идеологии, национальной идеи, четких геополитических целей, а у Запада такие цели есть, даже у латиноамериканских стран, где я много лет работал. Есть они и у русских внутренних западников. Очевидная цель так называемых «вождей Болотной площади» — это вернуться к власти, которая была в первое десятилетие после 1991 года. Их волнует только этот вопрос, а не демократия, свобода слова и тому подобное, это все для западных журналистов, которые с удовольствием публикуют на Западе материалы о своих беседах с лидерами оппозиции, создавая тем самым там соответствующую психологическую окраску. Однако, на мой взгляд, проект глобальной цивилизации большинством населения России не поддерживается. Есть понимание, в том числе и у политической элиты, что полное встраивание в чужую цивилизацию ведет к утрате национальной идентичности. Вместе с тем в силу своих размеров и географического положения Россия не может изолироваться от глобализационных процессов. В ходе своего исторического формирования страна вбирала в себя различные этнокультурные и конфессиональные группы и своим примером подтверждает

тезис о культурно-цивилизационном разнообразии как естественном пути развития человечества.

Хотелось бы сказать несколько слов о том, что события, происходящие в России, в Западной Европе не всегда понимаются правильно. В декабре 1991 года между лидерами трех бывших советских республик произошла историческая встреча в Беловежской Пуще. В принципе на Западе это было воспринято спокойно. Я хотел бы воспользоваться тем, что здесь находятся бывший посол Испании в Москве и бывший посол России в Мадриде, и задать им вопрос: «Вы можете представить ситуацию, чтобы в галисийских лесах собрались представители, скажем, трех автономных регионов Испании и не посоветовавшись ни с королем, ни с центральным правительством, пришли к абсолютно незаконным соглашениям?» В результате этих соглашений более 30 млн русских людей или, во всяком случае, думающих по-русски, разделяющих русскую культуру, оказались в других странах, которые раньше были республиками единого государства.

Произошла не только геополитическая, но и гуманитарная катастрофа. Еще вчера эти люди жили в одной стране, а буквально на следующий день оказались в другой, с другим официальным языком, другими законами. И примечательно, что лучшие умы русского зарубежья, внесшие крупный вклад в мировую и отечественную культуру, восприняли как национальную катастрофу события 1917 года, и 1991-го. И встает вопрос: какую политику надо проводить по отношению к русским людям, оказавшимся на чужбине, но продолжающим говорить и думать на русском языке? Большинство из них от своей генетической Родины не отказываются, русского человека можно вывезти из России, а отнять ее у него нельзя. Во всяком случае если он действительно русский. Все 1990-е годы в тогдашнем ясинском руководстве страны сохранялся «беловежский подход». Бывшие наши соотечественники живут теперь в других странах, которые должны решать, что с ними делать, а России вмешиваться нельзя, иначе ее будут упрекать в имперских устремлениях и создании «пятой колонны» в новых независимых государствах. Такой подход полностью устраивал элиты этих новых государств и позволил им заняться достижением своих государственных целей, то есть легитимизацией государственности и границ, которые раньше были только административными, а теперь стали государственными. В закреплении государственности подразумевалась среди прочих важная цель — вытравить из живших там людей генетическую память, ограничить использование ими русского языка, в том числе в детских садах, школах, вузах, СМИ, культурной жизни. Вот вам культура и диалог культур.

Очень любопытно: если ранее атаки направлялись против империи СССР, якобы «тюрьмы народов», то сейчас бывшие критики сами стали мини-империями и не дают самоопределяться своим народам. Этот вопрос возник у Грузии с Южной Осетией, Абхазией, то же самое у Молдовы с Приднестровьем, у Украины с Крымом и т. д. Что делать, чтобы защитить этих людей? На Западе поддержки, откровенно говоря, не получить, мы видели реакцию Запада, практически

единодушную, кстати, должен отметить, за исключением Испании, когда в 2008 году по существу все встало на сторону Саакашвили против России. Но наших людей все равно бросать нельзя, причем нам не надо бояться фантомной боли по бывшей империи, надо проводить твердую политику по защите нашего населения. Представьте себе, что, скажем, в Канаде меньшинство населения говорит на французском языке, но французский является государственным, в республиках Прибалтики половина населения говорит на русском языке, но русский не считается никаким языком, и Запад молчит, он в эти дела не вмешивается, это, мол, внутреннее дело.

Тут могут быть два варианта действий: мягкая дипломатия — это указ о добровольном переселении соотечественников в Россию, поддержка русских диаспор за границей, но, кроме повседневной работы с рассылкой учебников и тому подобным, есть вариант применения и так называемой жесткой политики, если хотите, жесткой силы. Тут вопросы непростые, деликатные, но, на мой взгляд, иногда можно ставить вопрос и о так называемых экономических санкциях, если права русских людей абсолютно игнорируются и идет политика вытравливания их из новых государств. Опыт показывает, что практически все страны Запада активно работают по вопросу защиты своих соотечественников. К примеру, Институт Сервантеса в Испании, Институт Гёте, Альянс Франсез и т. д. Там идет плановая государственная целенаправленная работа, геополитические цели которой — защита своих людей и продвижение своих интересов.

М. Л. ТИТАРЕНКО: — Евгений Михайлович, Вы в своем очень откровенном и остром выступлении осветили целый ряд реально существующих в жизни России проблем и действительно острых и разных точек зрения по этим проблемам, это очень важный аспект. Позвольте предоставить слово профессору Ефиму Иосифовичу Пивовару.

Е. И. ПИВОВАР: — Уважаемые коллеги, я ректор Гуманитарного университета в Москве, порожденного именно эпохой постсоветской России, потому что это университет, который первым стал называться российским в марте 1991 года (между прочим, это первое решение Ельцина как президента России еще в составе Советского Союза) и первым был назван гуманитарным. Поскольку я последние десятилетия так или иначе занимаюсь постсоветским зарубежьем и постсоветским пространством (есть кафедра и в РГГУ, и в МГУ я руковожу кафедрой истории стран ближнего зарубежья), то мне близка тема межкультурного диалога на постсоветском пространстве. По моему мнению, на пленарном заседании очень ясно было заявлено, и я это абсолютно поддерживаю, что культурное разнообразие в мире — это реальность, это данность, которая не исчезнет, это я могу сказать как историк. Да, она меняется, приобретает новые формы, может показать новое лицо, но все-таки это данность — она вечна, и вся история человечества это доказывает. С другой стороны,

взаимообогащение и взаимодействие культур тоже нельзя остановить. Поэтому мы говорим о глобальной культуре, это, собственно, и есть процесс взаимообогащения, взаимодействия.

В этих двух, я бы сказал, парадигмах, есть позитивное и есть тревожное. Позитивное заключается в том, что в процессе взаимообогащения, взаимодействия неизбежны некоторая нивелировка и потери, их не может не быть. Эти объективные потери, которые являются, с одной стороны, действительно потерями, а с другой — приобретениями, мы должны учитывать и принимать как реальность процесса. Но есть потери, которые мы можем предотвратить, для того чтобы разнообразие культур сохранялось и чтобы каждая культура имела будущее. Для нас, для Российской Федерации, это вопрос, честно говоря, жизни и смерти. Российская Федерация — это только 2 % населения и 12 % территории мира, но когда в стране больше сотни культур, конечно, для нас это не пустой звук. Есть страны моно- или почти монокультурные, есть страны, как наша, которые имеют огромное разнообразие культур, и вокруг наших территорий таких стран тоже много. Я смотрю на наших китайских коллег, у которых, конечно, огромное количество культур, хотя со стороны кажется, что в Китае одна культура, но это далеко не так. Строго говоря, и у нас так же. Все представители русской эмиграции называются русскими, хотя так их можно назвать с натяжкой, они скорее русскоязычные. Конечно, россияне в Аргентине под «русскими» понимают и украинцев, и азербайджанцев, и евреев, и белорусов. Даже в Израиле, где практически все евреи, называют их русскими, меня называют русским, хотя я, конечно, русский еврей, просто так принято. Так что это типичное заблуждение.

Итак, что же нам надо делать? Мне кажется, что поможет нам образование, которое обращено в будущее, и мы передаем знания прошлого через процесс образования будущим поколениям. На это направлено образование со времен Древней Греции или более ранних эпох, об этом говорили и Платон, и Аристотель, и другие великие мыслители. Так вот оно и должно искать пути, чтобы разнообразие культур сохранялось и чтобы диалог культур минимизировал бы эти потери. Как этого достичь? Конечно, это можно сделать с позиции толерантного отношения друг к другу, то есть через диалог. Что такое диалог? Это не только понимание и представление о том, что предлагают другие, это еще и учет этого понимания, а не отрицание его. Это не означает абсолютное принятие, но это учет другой точки зрения и вступление с ней в дискуссию. Вот что такое диалог в моем понимании. С одной стороны, я понимаю пафос моего предшественника и разделяю его боль, потому что тоже считаю, что распад СССР — это геополитическая трагедия, но, с другой стороны, я хотел бы предостеречь нас от такого недопонимания другой точки зрения. Конечно, мы говорим о русских, которые остались вне пределов Российской Федерации, но нельзя не говорить и о тех азербайджанцах, украинцах, белорусах, казахах и других народах, которые оказались в Российской Федерации. Так что этот процесс не односторонний.

И в целом отношение Российского государства к внутренним диаспорам — тоже важный показатель, которым проверяется отношение к нашим диаспорам в других странах. Например, когда шведы уделяют внимание финскому меньшинству у себя и наоборот, они тем самым скрепляют взаимодействие между этими народами, между этими соседями. Это один сюжет. Второй сюжет: мы претендуем (и это правильно) на то, чтобы русский язык как великое достижение предшествовавшего советского периода, да и Российской империи, стал языком межнационального общения, чтобы он помог приобщению к мировой культуре всех народов, малых и больших, всей нашей огромной страны. Но надо изучать языки и культуры народов России, которые стали самостоятельными. Мы, увы, этим занялись только когда появилось постсоветское пространство. Надо изучать украинскую, белорусскую, казахскую, азербайджанскую культуру, иначе у нас не получится диалога. Увы, надо признать, что мы это делаем так же плохо, как отстаиваем интересы русского языка в этих странах. Не лучше, не хуже, а плохо делаем и то, и другое.

В заключение хочу сказать, что тут собрались люди, которые понимают, что диалог культур неизбежен, что он имеет большое политическое значение, что без этого нельзя взаимодействовать. Все это понимают, но необходимы и конкретные действия. Конечно, надо признать, что в образовательной практике постсоветской России мы уступаем Советскому Союзу по взаимодействию тогда между республиками, а теперь между отдельными государствами. Мы не занимаемся подготовкой кадров друг для друга, а это для нас первостепенно. Мы не поддерживаем тех, кто по-прежнему хочет укрепления нашего взаимодействия. Есть, конечно, некоторые проблески. На европейском экономическом пространстве и в деятельности экономической комиссии это, конечно, уникальный случай, когда Казахстан, Белоруссия, Россия начинают экономическое сближение. Произошел поворот и в отношениях Украины и России с точки зрения взаимодействия гуманитариев. Я в этом процессе участвую, мы стали совместно издавать книги, проводить форумы, у нас появились ассоциации украинистов, русистов, но первые 10 лет наблюдалась совершенно иная ситуация. Наконец, этот процесс начинается, но без наших усилий он заглохнет. Поэтому я думаю, что к этому процессу необходимо привлечь молодое поколение. Спасибо.

М. Л. ТИТАРЕНКО: — Большое спасибо, Ефим Иосифович. Я приветствую Ваш конструктивный подход к решению острых вопросов, которые были поставлены в первом выступлении. Это очень ценно и важно. Слово предоставляется профессору Ежи Иосифу Вятру.

Е. ВЯТР: — Прежде всего я хотел бы поблагодарить за приглашение принять участие в этих важных Чтениях, я здесь уже во второй раз. Также хотелось бы высказать короткие комментарии, которые относятся к концепции диалога культур и к двум, можно сказать, провокационным выступлениям моих предшественников.

Ректор в своем вступительном слове подчеркнул важность мультикультурного положения и сказал о том, что некоторые аспекты культуры важны именно с точки зрения диалога, а некоторые черты мультикультурности не столь важны для него. Конечно, мы путешествуем повсюду и видим различные стили архитектуры, и что из этого? Здесь нет почвы для диалога, но мы можем выйти на более узкие концепты культуры, которые как раз провоцируют нас на обсуждение в форме диалога культур, определяются как система ценностей, и мы можем использовать определение ценностей культуры. Проще говоря, это означает, что разные культуры имеют разный порядок приоритетов этих ценностей, некоторые вещи больше ценятся в одной культуре, а другие более ценны для нас. Например, если мы посмотрим, как в разных странах относятся к женщинам, то увидим массу различий, и здесь есть что обсудить.

Мы, конечно, можем уважать традиции исламской культуры, там решают проблему по-своему, но это не означает, что мы должны принять идею, что женщины менее полноценны, чем мужчины. Мы не можем принять такое положение и должны развивать активность наших граждан, с тем чтобы различие культур было сведено к очень простому вопросу: что более важно — коллективные интересы, интересы государства или интересы индивида, отдельного гражданина? Если мы говорим о двух различных политических культурах в Европе — это западная либеральная культура и восточная культура, то можем свести разговор к этим основным вопросам. Здесь можно привести пример из великого романа русской литературы «Война и мир», когда князь Болконский ведет разговор с сыном, и суть того, в чем старается убедить старый князь молодого, — это то, что империя, государство — это самая главная ценность, ради которой каждый должен пожертвовать своей жизнью; это элемент культуры. Толстой намеренно вложил такие мысли в уста пожилого отца для того, чтобы передать россиянам эту ценность. С другой стороны, западная либеральная культура фокусирует свое внимание на индивидуальности, некоторые видные западные политики предпринимали попытки, чтобы уменьшить индивидуалистический подход к политике.

Более 50 лет назад Джон Кеннеди в своей знаменитой речи сказал: «Дорогие американцы, не спрашивайте, что страна может сделать для вас, — спросите, что вы можете сделать для своей страны». Это было сказано намеренно. В контексте русской культуры эквивалентно тому, что сформулировал Джон Кеннеди, Россия не может сказать: «Не спрашивайте, что Россия может сделать для вас, а спросите себя, что вы можете и должны сделать для России». Наоборот, надо задать вопрос: «Что Россия может сделать для вас как для индивида?» Эта форма диалога включает в себя некий компромисс. Мы видим, что на протяжении последних двух десятилетий, после того как мы ушли от коммунистической системы, упор делался на права человека. Это новая поддержка культуры, которая развивается, и здесь более глубокое понимание того, что граждане имеют права, и даже больше чем права, — они имеют обязанности контролировать тех, кто дер-

жит власть в своих руках, то есть властители со своей стороны должны быть ответственны перед гражданами и т. д. Вот здесь я вижу большое пространство для диалога культур; для диалога, а вовсе не для столкновения культур.

Кстати, вспоминая пленарное заседание, где упоминалась идея Сэмюэля Хантингтона о столкновении культур, я хочу сказать, что знал его более 50 лет, во многом наши точки зрения совпадали. Так вот, вы неправильно поняли то, о чем он говорил. В своей книге «Столкновение цивилизаций» он не говорил, что такое столкновение обязательно и неизбежно, наоборот, он предупреждал об опасности такого столкновения. В последней главе своей книги он пишет как раз о новом мировом порядке, который основывается на взаимном понимании, и до последних дней жизни он противостоял политике США, демонистской политике. Это логично, потому что он жил в США и полагал, что ни Америка, ни другая сверхдержава не должны навязывать свои ценности другим культурам. Вот это мы должны держать в своей коллективной памяти. А история — это набор различных версий, объяснений, описаний и даже различная социологическая терминология. Мы знаем, что определенные события, которые произошли, не могут быть описаны как нейтральная информация. Мы знаем, что в 1941 году нацистская Германия напала на Советский Союз, но что это означало для народов Советского Союза, для немцев, для поляков — здесь у нас различные воспоминания. Эти воспоминания часто противостоят друг другу, и поэтому происходят столкновения мнений.

В Польше предприняли попытку примирить эти воспоминания, и частично она оказалась успешной. Я родился за восемь лет до начала войны, жил в Варшаве во время оккупации и представить себе не мог, что впоследствии между немцами и поляками возникнут такие тесные отношения, но это произошло. Не менее удачная идея — это то, что многие польские деятели вступили в процесс примирения различных представлений в отношении прошлого между российскими и польскими политиками. Здесь мы достигли частичного прогресса. И еще я хочу сделать комментарий, отвлекаясь на выступление моего предшественника. Я понимаю его боль от распада Советского Союза в 1991 году. Две федерации — Югославия и Советский Союз распались, но в Югославии это привело к трем кровавым войнам и сотням тысяч жертв, а в Советском Союзе этого не произошло. Здесь мы должны понимать, что, с одной стороны, это трагедия, но с другой — это политика, которую мы должны уважать: Россия, движущая часть Советского Союза, примирилась с процессом распада государства и отказалась использовать силу, включая военную, для того чтобы сохранить этот союз. И я вижу, что в дальней исторической перспективе это и будет самым важным.

Х. КАРЗАЙ: — Позвольте мне сказать несколько слов. Я услышал здесь критические замечания в адрес традиционной исламской культуры. На мой взгляд, те, кто их высказывает, недостаточно хорошо знают нашу

многовековую культуру, которая имеет немало достижений. В священных текстах ислама говорится, что мужчины и женщины равноправны. Мы знаем примеры, когда в годы господства Талибана в Афганистане женщин заставляли закрывать лицо, но это не имеет отношения к религии.

Е. ВЯТР: — Полагаю, что мы можем обсудить этот вопрос на разных уровнях. Один: что, собственно говоря, постулирует ислам как религия. И это правильно, но я-то говорил не о классической интерпретации Корана, а о его «отражении» на практике. Приведу два примера. Несколько лет назад Йемен, где я работал консультантом, изменил семейное законодательство, разрешив полигамные браки. Но полигамные браки только в том смысле, что мужчина может иметь более одной жены, а не наоборот. Еще один пример: новая Конституция Египта, разработанная под влиянием «Братьев-мусульман», закрепила невозможность для женщины стать президентом республики. Я могу согласиться с тем, что этого в Коране нет, но это то, что делают современные мусульманские богословы. Мне думается, что здесь проявляется фундаментальная защита того, что в Европе и США противодействует гендерной культуре.

М. Л. ТИТАРЕНКО: — Спасибо. Позвольте предоставить слово профессору Василу Проданову.

В. ПРОДАНОВ: — Я хотел бы обратить внимание на две, думаю, самые важные функции культуры и в этом контексте на два феномена. Первая функция — это мягкая сила, соотношение культур — это соотношение сил. Глобальные перемены мягкой силы происходили несколько столетий, существовал глобальный евроцентризм, потому что Западная Европа была глобальным пространством. Последние 50 лет XX века мы очень сильно подверглись американизации в результате развития коммуникационных культур. Самое сильное воздействие американской культуры в результате привело к крушению Советского Союза. У США была самая большая сила. Теперь мы видим тенденции регионализации культур: исчезает единая гегемонная сила и возвращается в каком-то смысле империя. Я живу на Балканском полуострове, и там, например, турецкие сериалы постепенно вытесняют американские, русских уже нет, идет процесс неоосманизации. Те же самые процессы протекают в самых разных частях мира. Восхождение БРИКС — это восхождение нового соотношения мягких сил. Это первый аспект.

Второй аспект, я думаю, важный: культура — это идентичность, соотношение культур — это соотношение разных идентичностей. И здесь очень важна роль истории, как мы воспринимаем, трактуем историю. Мы наблюдаем две важные тенденции. Первую тенденцию я называю «возвращение истории». В Советском Союзе, например, идентичность формировалась через будущее коммунистическое общество. Теперь на этой территории все бывшие советские республики возвращаются к истории. История — это инструмент

формирования идентичности, поэтому, думается, идет процесс этнического возрождения, при котором наблюдается реконструкция старых идентичностей и этнических идентичностей, забытых в современную эпоху, и их новый взлет. Так, например, в Интернете появляется очень много языческих религий, и это возвращение к старым идентичностям, которые как будто бы исчезли, но они претерпевают второе рождение, в том числе и в Европе. Все это создает новые конфликтные ситуации в национальных государствах — от Испании с региональными басками, каталонцами до Великобритании с Шотландией.

И вторая тенденция — это трансформация истории, когда непрерывно конструируются новые прочтения истории, представляемые как поиск аутентичной истинной истории, формирующей новые виды идентичностей. Поэтому, я думаю, сейчас идет самая сильная, невиданная до сих пор битва в области истории, развивается самая сильная тенденция разночтений в истории, потому что мы пишем новую историю. На Балканском полуострове, например, македонцы думают, что у них самая древняя история, их корни идут от Александра Македонского. Албанцы говорят, что у них самый древний язык в мире, а курды — что они самый древний народ, создавший пирамиды. И эти тенденции прослеживаются во всем мире. Это очень важные тенденции конструирования истории, битвы истории, с одной стороны, и перемен, связанных с глобальным соотношением сил, — с другой. Спасибо.

М. Л. ТИТАРЕНКО: — Слово предоставляется Александру Игоревичу Кузнецову.

А. И. КУЗНЕЦОВ: — Тема моего выступления полностью совпадает с тем, о чем только что говорил профессор Проданов. Это тема диалога культур и национальных трактовок истории. Действительно, я согласен с господином Продановым, что в последнее время наблюдается необычайный взлет интереса к истории и явление, которое получило название «исторический ревизионизм». Но мне кажется, что здесь надо внести важное уточнение. В принципе исторический ревизионизм, пересмотр истории можно считать абсолютно нормальным явлением, потому что каждое поколение историков, естественно, стремится по-новому интерпретировать исторические события, сказать новое слово в исторической науке, найти новые подходы, ввести в научный оборот новые документы, источники; это абсолютно нормальный процесс. Но мы-то говорим сейчас совершенно о другом — о том, когда история становится инструментом мягкой силы во внешней и внутренней политике государств. Профессор Проданов говорил о своем регионе, Россия тоже постоянно сталкивается с возникновением разных интерпретаций истории, которые не только вступают в противоречия с другими, но и наносят прямой ущерб взаимопониманию, доверию между народами, становятся источниками вражды и конфликтов.

И опять-таки, я согласен с тем, что история, и это естественно, становится одним из главных инструментов формирования национальной идентичности,

особенно в тех государствах, которые сравнительно недавно обрели независимость, и, конечно, перед ними стоит проблема самоидентификации. И было бы совершенно нормально, если бы этот процесс протекал на базе позитивных ценностей, когда в основу самоидентификации закладываются такие ценности, как культурное наследие, язык, национальные традиции и т. д. Но мы сталкиваемся с совершенно другим явлением, когда в основу национальной идентичности закладывается образ врага. И это, в общем-то, облегчает задачу — не строить идентичность на базе позитивных ценностей, а идти по пути наименьшего сопротивления, когда достаточно просто бросить клич, что враг у ворот и против него надо объединяться, интегрировать свое общество и т. д. Это, к сожалению, происходит в целом ряде стран.

Я совершенно далек от мысли затевать сейчас какую-то дискуссию по спорным историческим трактовкам, хотел бы поставить вопрос шире: насколько такой подход к истории соответствует реальностям глобального мира, нет ли здесь опасности для конфликтов и каких-то столкновений между государствами, народами на локальном, региональном уровне, между соседними странами и не кроется ли здесь опасность для цивилизационного диалога и межцивилизационных отношений в более широком плане? Сейчас мы видим, как в условиях миграционных потоков, в условиях смешения, сближения людей, представляющих разные мировоззрения, разные культурные традиции, возникает проблема, что история, как один из фундаментальных элементов общественного сознания, может служить не только основой для диалога, но и источником конфликта. Например, проблема, которая, к сожалению, существует и чрезвычайно болезненно воспринимается в России и на уровне государства, и на уровне общественного мнения, — это попытки реабилитации, героизации пособников нацизма в некоторых странах, когда бывшие эсесовцы, а мы знаем, какую оценку этой организации дал Нюрнбергский трибунал, спокойно проводят свои парады и чуть ли не на официальном уровне объявляют патриотами и борцами за свободу.

В некоторых странах Европейского Союза к этому очень спокойное отношение, нам говорят: «Зачем вы такое внимание этому уделяете? Это маленькие страны, у которых было тяжелое прошлое, они жертвы, а вы на них обижаетесь, Россия — большая страна, и не стоит на это обращать внимание». Но на самом деле это чревато серьезными последствиями, потому что в условиях глобализации, эмиграционных потоков, которые происходят практически во всех странах Европы — и в Европейском Союзе, и в России, — мы видим, как поднимают голову самые разные экстремистские группировки, исповедующие ксенофобию, ненависть, и более того — совершаются преступления на этой почве. Мы все наблюдали чудовищную историю в Норвегии; это преступление, которое было идеологически мотивировано, причем мотивировано идеологией, очень близкой к нацизму. И возникает вопрос: если в одних странах Европейского Союза происходит легализация нацизма, то не приведет ли это к легити-

зации и других экстремистских групп, которые получают распространение в Европе?

Что с этим делать и как реагировать на эти тревожные явления? Когда происходит столкновение взаимоисключающих исторических трактовок, особенно по поводу Второй мировой войны (а вы знаете, что для России это чрезвычайно болезненный вопрос, потому что наша страна заплатила очень высокую цену за победу над нацизмом), когда в международных организациях или на уровне отдельных стран делается попытка поставить на одну ступень гитлеровскую Германию и Советский Союз, конечно, это вызывает очень болезненную реакцию и в нашем общественном мнении, и на уровне государства. Ведь это не безобидные утверждения, они влекут за собой и попытки выдвижения материальных претензий, и попытки использования всех этих дискуссий в определенных геополитических целях. В таких случаях мы исходим из того, что все-таки в этих условиях нужно стремиться к тому, чтобы в обсуждении вопросов истории последнее слово принадлежало самим историкам, потому что все-таки существует очень большая разница в восприятии истории представителями общественного мнения в целом и профессионалами, которые этими вопросами занимаются специально. У последних гораздо больше возможностей увидеть разные стороны исторических явлений, которые никогда не бывают простыми, а всегда противоречивы, многогранны и имеют массу разных углов, в то время как общественное мнение мыслит более упрощенными категориями. Иногда восприятие истории подменяется национальной исторической мифологией, и от этого не уйти никуда, так будет всегда. Но голос историков, конечно, должен звучать.

У нас есть положительные примеры: мы с профессором Пивоваром являемся членами российской группы по сложным историческим вопросам. Не знаю, как Ефим Иосифович, но мое впечатление таково, что эта работа очень полезна, потому что позволяет снимать, отодвигать в сторону острые эмоциональные моменты, которые иногда сказываются на отношениях между государствами. Это и способ разрядить обстановку вокруг исторических вопросов, и, что очень важно, путь к установлению истины, потому что мы не просто ведем дискуссии, а работаем со сборниками документов, наши архивы предоставляют источники, рисующие более широкую картину исторических событий, которые мы обсуждаем. Конечно, здесь нужны, на мой взгляд, большие усилия, а именно участие гражданского общества в утверждении ценностей, которые отличались бы разнообразием. Было бы абсурдным стремиться к выработке какого-то унифицированного взгляда на историю, этого не будет никогда, но мы должны стремиться убирать, снимать те элементы, которые действительно наносят ущерб взаимопониманию между народами, сеют вражду и создают устойчивые стереотипы негативного восприятия народами друг друга. Я думаю, эта проблема характерна пока для Европы, но надо думать на опережение и в условиях глобализации, которая еще неизвестно как будет развиваться; мы сейчас не можем спрогнозировать это

развитие, но видим, какие опасные тенденции вырисовываются. Мне кажется, эта тема должна присутствовать в нашем межкультурном, межцивилизационном диалоге. И мне приятно наблюдать, что она волнует ученых, что они видят это явление, а если видят, то, значит, будут пытаться прийти к взаимопониманию и соответственно искать способы решения этой проблемы.

М. Л. ТИТАРЕНКО: — Должен сказать, что это не только европейская проблема. Здесь присутствуют наши китайские коллеги, думаю, что если бы здесь были корейские или вьетнамские коллеги, они бы нам рассказали об очень острых проблемах в отношениях этих стран с Японией, потому что Япония не признает себя агрессором. Считается, что Вторая мировая война началась 9 сентября 1939 года, а на самом деле она началась в 1937 году с агрессии Японии против Китая. Но Япония не признает этого факта, что является серьезным противостоянием в отношениях со многими государствами, в том числе и с Россией. Очень остро этот вопрос стоит в дискуссиях с Кореей, Вьетнамом, Малайзией, Индонезией — в общем, со всеми. Эта проблема действительно имеет большое значение, и я думаю, что в ходе нашего форума в дальнейшем эта тема будет расширяться. Позвольте предоставить слово профессору У Эньюаню.

У ЭНЬЮАНЬ: — Прежде всего позвольте мне выразить благодарность за высокий уровень организации нашего мероприятия. В ходе дискуссии у нас даже появились идеи более тесного сотрудничества. В Китае в рамках нашей Академии проводятся форумы подобного направления, то есть по вопросам глобализации, диалога культур, и поэтому мы полагаем, что в будущем можно подумать над тем, как бы объединить наши усилия для того, чтобы привлечь к более активному участию ученых из Китая.

Далее хотелось бы сказать несколько слов на тему разнообразия культур в условиях глобализации и проблем прав человека. Первое: разнообразие культур является закономерностью развития человечества в целом. И понятно, что в условиях глобализации идентифицируются контакты между людьми и уже невозможно какой-либо культуре или цивилизации быть замкнутой на себе, и в этом отражается некий тренд к взаимному проникновению культур и формированию общих наборов ценностей, в частности это связано с индустриальной цивилизацией. Имеются в виду также взаимное проникновение рыночной и плановой экономики и формирование нового подхода к созданию экологической цивилизации по защите окружающей среды. Но мы должны также очень бережно относиться к уникальности каждой культуры, которая сложилась в результате многолетнего развития. Не удивительно, что в рамках ООН в Париже в 2005 году была принята новая конвенция по защите разнообразия культур, в которой предусмотрена установка, что культура является важным импульсом для устойчивого развития каждой страны. Так что мой первый тезис заключается в том, что мы должны уважать разнообразие культур

и не можем допустить, чтобы во имя распространения какой-либо одной высокой национальной культуры уничтожались культуры, которые находятся как бы на более низком уровне развития.

Второй тезис касается взаимоотношений между разнообразием культур и правами человека. Должен отметить, что такая же идея была предложена в рамках ООН. В той же конвенции было сказано, что только с помощью эффективной защиты прав человека мы можем обеспечить разнообразие культур, но в то же время мы знаем, что в разных странах существует свое понимание прав человека. Моя мысль заключается в том, что права человека — это конкретное понятие, и есть универсальные стандарты, но, тем не менее, в рамках прав человека существуют национальные особенности. В частности, для развивающихся стран право на жизнь и право на экономическое развитие также являются неотъемлемой частью прав человека. Исходя из этого, мы выступаем против унифицированного подхода к проблемам прав человека. Спасибо за внимание.

М. Л. ТИТАРЕНКО: — Позвольте предоставить слово видному общественному деятелю Испании господину Марку Хуану Антонио.

Х. А. МАРК: — Здесь были высказаны интересные идеи, особенно касающиеся вопросов, как сделать устойчивой архитектуру нашего нового пространства, это очень важно для прогресса и развития. В первом выступлении было упомянуто, что коллапс с Советским Союзом произошел неожиданно, а я так понимаю, что это было закономерностью. Эта огромная территория была по существу не Российской империей, а обширным пространством особой социальной модели, и когда эта модель разрушилась и люди поняли, что у этой системы нет будущего, тогда все это пространство развалилось как система. И тогда россияне увидели, что их территория уменьшилась, потому что сама модель рухнула. У нас в Испании есть такие проблемы между Кастилией и басками, потому что архитектура нашей политической системы неправильная. Таким образом, мы должны развивать архитектуру этих общественных пространств, единственные, кто развил хорошую архитектуру, — это США. Почему? Потому что она там основывается на общем цементе, который сплачивает всех граждан, — на американском образе жизни, где очень важна возможность достичь успеха и т. д. Это объединяет людей не просто как имперская идея, а скорее как цель создания такого места, где хочется жить. Такие процессы мы наблюдаем в Калифорнии, Нью-Йорке и др. Каждый штат старается убедить других, что люди рады там жить, и это очень важный фактор, который объединяет пространство.

Таким образом, нам сейчас надо найти хорошую идею, как организовать наше общественное пространство в этой части мира. У нас есть потенциал, есть знающие ученые, и, тем не менее, мы в Испании все еще не установили должную архитектуру общественного пространства. В Европейском Союзе у нас огромные проблемы, потому что мы являемся союзом, который диверсифицирован, но мы пока не можем действовать

на основе той идеи, что одна нация или одна модель является правильной, потому что мы исторически знаем, что такой подход всегда приводит к поражению. То же самое касается и России. Я полагаю, что Россия имеет одно огромное преимущество — это то, что люди устремлены в будущее, у них огромная интеллектуальная мощь, огромный научный потенциал, но они должны забыть, каким образом история развивалась в XX веке, и строить на сто процентов структуру XXI века.

Я полагаю, что мы должны создать общее общественное пространство — от Средиземного моря до Азии. Мы разделяем общую цивилизацию, и сделать это будет не просто, потому что имеется много элементов истории, которые нужно сохранить, но мы должны быть достаточно разумными для того, чтобы построить единое пространство. Здесь возникает дилемма между государством и индивидом. Я думаю, что технология уже решила эту проблему. Мы видим, что миллионы людей каждый день что-то изобретают, и это разнообразие насколько велико, что нет одного, который указывает другим. Ни в физике, ни в юриспруденции, нигде никто не может думать, что он будет организовывать других, это относится к прошлому, а не к будущему. Таким образом, что является для нас историческим вызовом? Вызов состоит в том, чтобы организовать такое пространство для 800 млн людей с тем, чтобы они сохранили разнообразие и комфортно жили в этом пространстве и чтобы каждый день становились все более богатыми и процветающими. И мы по существу имеем или будем иметь две модели: это США, и в этой части мира, от Средиземного моря до Азии, есть такие огромные пространства, как Китай и Индия, где все хорошо организовано; они особенные и исторически своеобразные, это гораздо более монолитные цивилизации. Возникает вопрос, являющийся вызовом для всех: каким образом пространствам развиваться? Но я думаю, что в XXI веке предмет архитектуры общественного пространства является самым важным. Спасибо.

М. Л. ТИТАРЕНКО: — Слово предоставляется профессору Валуру Ингимундарсону.

В. ИНГИМУНДАРСОН: — Хочется отметить, что здесь идет очень интересная беседа, и мне хотелось бы поговорить об ответственности в области культуры за массовое уничтожение в мировых масштабах и обсудить ее с исторической и современной точки зрения. Кроме того, обсудить концепции прав человека и суверенитета, а также отклики на случаи геноцида, преступления против человечества и влияния преобладающих идеологических парадигм на мировые конфликты. Такие исторические прецеденты, как Нюрнбергский процесс, принятие Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества, формирование международных судов, трибуналов, специальных трибуналов и концепция суверенитета, рассматриваются сквозь призму колониализма, неоколониализма, смены режимов. Здесь применимы та-

кие понятия, как «гуманитарное вмешательство, «ответственность за защиту» и «традиционные процессы стабилизации умиротворения». Несмотря на тесную взаимосвязь между терминами «геноцид» и «преступления против человечества», в международном праве больше выделено отличительных характеристик, чем сходств между этими понятиями.

Оправдание преступлений против человечества и наказание виновных в них не рассматриваются в рамках определения геноцида и не вошли в Конвенцию о геноциде. Однако эта цель преследовалась в рамках разработки понятия «преступления против человечества»; это такие преступления, как апартеид, зачистки, насилие, и такие акты, которые рассматриваются как постоянные преследования тех или иных этнических групп, подвергающихся атакам. Поэтому для определения геноцида как преступления необходимо наличие умысла и требуется более четкая реакция международного сообщества на акты жестокости и преступления против людей. Первая Конвенция о правах человека непосредственно затрагивала торговлю людьми, права рабочих, но в течение многих лет ООН была достаточно беззубой, не могла применить целый ряд положений этой конвенции в отношении государств, повинных в массовых убийствах. Так было, например, с Соединенными Штатами Америки, которые не ответили за военные преступления, совершенные во время войны во Вьетнаме.

Только после окончания конфликта между Западом и Востоком, когда на международной арене появилось пространство для решения вопросов вины и наказания за массовые репрессии и преступления против человечества, возникла возможность создания структур, которые могли бы устанавливать мотивы преступлений, умысел и соответствующим образом выносить свои решения по поводу способов, которыми государство преследует свои политические, экономические или военные цели. Не были разработаны документы, которые могли бы успешно бороться с преступлениями против человечества и жестокостью в отношении широких народных масс. Как, например, было в Руанде, Югославии, Бангладеш, Алжире, Камбодже. Принцип ответственности должен предусматривать установление четкого кодекса поведения в отношении таких преступлений, как было в случае гуманитарного вмешательства в конфликт в Косово. Участники этого действия должны были принять на себя обязательства по защите граждан и иметь соответствующий инструментарий, для того чтобы установить порог, при котором защита своих граждан перерастает пределы необходимой обороны и превращается в военное преступление.

Требование смены режима, которое вытекает из доктрины о защите прав человека, может быть весьма важным действием. Опыт гражданских войн в таких странах, как Сальвадор, Гватемала, Гондурас, показал, что сильные авторитарные режимы, которые контролируют армию, как правило, несут ответственность за большинство военных преступлений. Внешнее вторжение может восстановить баланс в пользу тех, кто противостоит репрессивным режимам, за исключением случаев, когда была широкая

международная поддержка. Такие попытки в соответствии с гл. 7 Устава ООН не были успешными. Если во имя гуманитарных целей свержается режим, то таким образом мы получаем явление, которое можно назвать «военным гуманизмом». И мировое сообщество всегда будет подвергаться давлению в случаях преступлений против человечества с требованием вмешаться и помешать осуществлению массовых репрессий людей, как это было в Югославии или Руанде. Сейчас правовая оценка военных преступлений подвергается сомнению, и, как правило, всегда речь идет о политической подоплеке в судебных процессах. Совет Безопасности ООН уже в отдельные свои документы начал включать обязательства о наказании лиц, повинных в массовых казнях и жестокости. Поэтому больше внимания должно быть уделено разработке инструментов, которые могли бы поддерживать гуманитарные ценности и препятствовать их уничтожению. Спасибо.

М. Л. ТИТАРЕНКО: — Большое спасибо за очень яркое и содержательное выступление, которое раскрывает принципы высокого нравственного суда над политикой и над тем, что делают политики. Как много раз говорилось в истории, политика — дело грязное и порой очень трудно сочетаемое с высокими нравственными принципами, я с Вами абсолютно согласен. Позвольте предоставить слово нашему уважаемому коллеге Фариду Абдуллоевичу Асадуллину.

Ф. А. АСАДУЛЛИН: — По случайному совпадению или нет, но одновременно в Санкт-Петербурге проходит еще одно значительное интеллектуальное событие — Международный юридический форум, и поскольку мне пришлось участвовать в работе первых двух дней, я для себя отмечаю, что круг вопросов, которые обсуждают и там, и здесь, примерно один и тот же. На самом деле глобализация, помимо положительных моментов, с которыми мы сталкиваемся каждый день, породила и глобальную турбулентность во всех сферах человеческой деятельности, это касается практически всего, с чем мы имеем дело сегодня. Это касается и взаимоотношений секулярного общества с людьми, которые видят свое будущее и будущее своих детей в рамках развития традиционных ценностей, впитанных ими с молоком матери. Одним словом, есть очень много вопросов, на которые трудно адекватно реагировать, но, тем не менее, наш форум собирается уже 13-й раз, и мы каждый раз для себя фиксируем какие-то новые достижения в развитии межкультурного, межнационального диалога.

Я считаю, что сегодня традиционный образ жизни, который есть и в христианстве, и в исламе, и в других мировых религиях, сталкивается с напором либеральных, а лучше сказать, псевдолиберальных ценностей, исходящих из Центральной Европы. Например, трудно найти оправдание закону, принятому сегодня во Франции, который легализовал однополые браки. Сегодня господин Марк говорил о новой архитектуре общественного пространства, что Европа нам якобы показывает новые ценности, которые частью европейского социума уже приняты, и я знаю, что есть катего-

рия людей, которые живут по этим новым законам. Но опять-таки, если отталкиваться от традиционных ценностей, то в данном случае я буду говорить об исламе. Исламское понимание института брака в принципе не оставляет места однополым союзам, это грех, который очень трудно оправдать. Здесь возникает сложная ситуация, и я думаю, что Европа будет сталкиваться с ней постоянно: те новые европейцы, которые приезжают из арабо-мусульманского мира, эти новации в строительстве семьи, я полагаю, просто не примут. И эта проблема является общечеловеческой, мы должны давать какие-то моральные оценки тому, что происходит в Европе. Да, из Европы в Россию приходит очень много полезного, европейский опыт воспринят, европейские технологии становятся частью российского общества, но, тем не менее, есть вещи, которые лично у меня вызывают отторжение.

Я хотел бы развернуть наш сегодняшний разговор немного в другую плоскость, потому что, раз мы находимся в Санкт-Петербурге, мне очень важно обратить внимание на новые возможности, которые открывают такие учреждения культуры, как Эрмитаж. В силу того что я востоковед и учился в Санкт-Петербурге, к счастью, знаком с Михаилом Борисовичем Пиотровским, я слежу за той огромной культурно-образовательной работой, можно даже назвать ее культурно-тренерской, когда Эрмитаж постоянно обновляет свои экспозиции и у нас есть возможность посещать выставки исламской культуры, исламской цивилизации. Недавно с успехом прошла выставка, которая дошла в том числе и до Эдинбурга, «Мусульманское искусство от Китая до Европы». Одновременно там проходят выставки, которые демонстрируют достижения христианской, буддистской и других культур. Мне кажется, этот ресурс очень важен, потому что, на мой взгляд, вербальные возможности диалога культур все же ограничены и надо подключать некую историческую оптику, когда человек не только слышит, но и видит. Думаю, это имеет больший коэффициент полезного действия в плане углубления диалога цивилизаций, поэтому отмечаю это как положительное явление.

Экспозиции мусульманской цивилизации, мусульманской культуры сегодня открыты в Лувре, в Британском музее постоянно действует экспозиция, которая рассказывает о достижениях не только исламской цивилизации, но и других восточных цивилизаций. Если мы пытаемся прогнозировать, как будет развиваться человеческое сообщество, то должны четко понимать, что цивилизационными локомотивами в XXI и, если нам суждено жить, в XXII веке будут культуры, связанные с Китаем, с арабо-мусульманским миром, то есть центр глобальной культурной геополитики смещается из Европы в сторону Азии. И в этом смысле, конечно, у России очень сильные авантажные позиции. Россия всегда была неким мостом между Востоком и Западом, и поэтому мы наш исторический ресурс должны очень правильно оценить и использовать во благо нашего многонационального государства, и я категорически против других подходов.

Я с уважением слушал выступление нашего польского коллеги господина Вятра и хочу сказать, что

внимательно читал Конституцию Египта, но не знаком с ее последней редакцией, может быть, уже есть другой вариант Конституции, но я не помню, чтобы там было положение о том, что в Египте президентом не может быть женщина. Более того, политическая история мусульманского мира показывает, что Беназир Бхутто долгое время была президентом Пакистана. Мы знаем, что в Индии — в государстве, которое впитало и индуистские, и мусульманские традиции, президентом был мусульманин. Поэтому, выстраивая межкультурный, межцивилизационный, межрелигиозный диалог, мы все же должны в большей степени заниматься инвентаризацией того, что происходит в нашем культурном пространстве. Я хочу задать вопрос господину Вятру: «А в Польше когда-нибудь президентом была женщина?» По-моему, в истории и Речи Посполитой, и современной Польши вообще такой вопрос не стоял. Спасибо за внимание.

А. И. КУЗНЕЦОВ: — Слово предоставляется профессору Петеру ван Крикену.

П. ван КРИКЕН: — Позвольте подключиться к дискуссии и поговорить о праве на мир, а также об образовании и воспитании. После 1991 года господин Фукуяма написал книгу «Конец истории и последний человек», он был оптимистичен, но его оптимизм не был справедлив. Несколько лет спустя Хантингтон написал свою статью «Столкновение цивилизаций», в названии которой изначально стоял знак вопроса, потом, когда он уже переработал эту статью, знак вопроса был опущен. Фукуяма написал книгу о доверии и задался вопросом: почему одно общество экономически более успешно, чем другие? Ответ прост: глубинная причина — это взаимное доверие. От того, собираемся ли мы доверять нашим соседям, иностранцам и тем, у кого иные взгляды на жизнь, зависит успех цивилизации. У понятия «цивилизация», как мы сегодня слышали, более чем 300 определений, и мы согласились, что должны быть приняты некоторые минимальные нормы и ценности. Мы понимаем, что они должны быть введены в наш стиль жизни и нашу цивилизацию.

Эти минимальные нормы и ценности были определены во Всеобщей декларации прав человека, которая была принята 9 декабря 1948 года (к слову, 10 декабря того же года была одобрена Декларация по геноциду). Мы не должны забывать, что Всеобщая декларация была принята и такими странами, как Ирак, Иран, Афганистан, Индия. Многие думают, что эта декларация — типичный продукт Запада, но нет, в большинстве своем к ней присоединились страны третьего мира, развивающиеся страны, они тоже голосовали за эту хартию. И китайцы, и ливанцы имели своих представителей в команде, которая разрабатывала проект этой декларации, в общем, в работе принимали участие страны, имеющие различия в реализации экономических и социальных прав. Южная Азия и Южно-Африканская Республика воздержались от голосования. Говоря о диалоге между цивилизациями, мы главным образом должны сделать упор на взаимное

уважение и взаимное доверие. И это означает нечто большее, чем толерантность, мы должны активно проявлять понимание.

Теперь мне хотелось бы сказать несколько слов об образовании и воспитании. У нас в стране действует такая концепция, что каждое религиозное меньшинство может иметь собственную систему образования вплоть до высшего. Получается так, что дети не находятся в одной классной комнате, если они атеисты, или индуисты, или христиане и т. д. Это, конечно, работает против взаимопонимания, но это происходит в моей стране и в некоторых северных странах. Мы не сидим без дела в нашей части Европы, у нас было пять тихих революций за последние годы. Первая революция произошла в области гендерных отношений и была связана с положением женщины в обществе Западной Европы. Конечно, наша политика была гораздо более продвинута по сравнению с восточными странами, хотя в нашей стране только в середине 1960-х годов женщины получили те же права, что и мужчины. Это всего лишь полтора поколения назад. Вторая революция — между детьми и родителями. Дети получили права, а не только обязанности. Третья — это гомосексуальная революция. Я никому не навязываю обязанность жениться на ком-нибудь того же пола, но я настаиваю на том, что надо признать, что каждый имеет право создавать семью с тем человеком, с которым захочет, и это должно быть принято на официальном уровне, законодательно. Главное, чтобы все были счастливы. Четвертая революция — взаимоотношения между индивидами и церковью, то есть религиозными институтами. И последняя, пятая: между индивидом и государством, то есть властями. Все это указывает на то, что происходят цивилизационные изменения в моей стране. Какое бы определение мы ни применяли, цивилизация существенно изменилась и продолжает меняться. Как я понимаю, цивилизация — это работа, которая продолжается, мы движемся вперед, и я верю, что движемся в правильном направлении и научимся проявлять уважение ко всем иным цивилизациям, поскольку они признают те нормы, которые мы находим во Всеобщей декларации прав человека.

А. И. КУЗНЕЦОВ: — Я предоставляю слово академику Михаилу Леонтьевичу Титаренко.

М. Л. ТИТАРЕНКО: — В своем кратком выступлении я хотел бы привлечь внимание уважаемых коллег к трем вопросам. Первый: государство Россия сложилось как совокупность, союз, соподчинение, взаимозависимость огромного количества малых и больших народов. Было такое мнение, что Россия — «тюрьма народов», по этой концепции тюремщиком якобы выступал русский народ, но на самом деле, если взять за основу эту концепцию, то сам русский народ был заключен в эту тюрьму и делился тюремным пайком с другими заключенными. И трагедия распада Советского Союза со всей очевидностью показала, как говорится, кто кого кормит. Наши украинские друзья часто упрекали Москву, «москалей», что те едят их хлеб, их сало. Образовалась независимая

Украина, и где стала эта славная республика покупать хлеб и сало? В Грузии, которая считала, что ее угнетали в советские времена, уровень жизни был в два раза выше, чем в России. Угнетенные Прибалтийские республики сохранились как этнос только потому, что они были, если говорить их словами, «угнетенными частями Российской империи». Существует топоним «прусссы». Раньше был такой народ, но он исчез, такая же судьба ждала и наших эстонских, литовских и латвийских собратьев.

Этим я хочу привлечь ваше внимание, дорогие коллеги, не к каким-то особенностям или восхвалению России, нет, я хочу сказать, что Россия дает другой тип отношений между цивилизациями, между культурами, не по горизонтали, а по вертикали. Принцип отношений русской культуры с другими культурами многонационального Российского государства, где проживают 125 больших и малых этносов, строится по принципу симфонического оркестра. Есть большая партия скрипок, можем считать, что это русские, есть партия тромбонов, флейт и есть совсем маленькая часть инструментов, и все они составляют симфонический оркестр. Есть такой прибор — камертон, который можно сравнить с культурой маленького народа, допустим бурятов, но без нее нет российской культуры. Мне кажется, что наши друзья в Европе и в мире уделяют недостаточно внимания колоссальному опыту России в налаживании этих симфонических отношений между культурами.

Второй вопрос касается опыта российско-китайских отношений. Русская и китайская культуры — это великие, но совершенно разные культуры. И я хочу сказать, что Россия с огромным уважением с самого начала относилась к китайской культуре и наладила отношения путем взаимной учебы, взаимного влияния, сотрудничества. И первый труд, который был переведен с китайского на русский язык, — канон нравственности китайской культуры «Сань цзы цзин» («Троеслово»). На днях наш Институт Дальнего Востока РАН выпустил пятый, самый современный перевод этого издания. О том внимании, которое Россия, российская общественность уделяла налаживанию диалога именно с культурой Китая, свидетельствует следующий факт: практически все классические труды китайской культуры в области философии, истории, литературы, искусства, изготовления фарфора, письменности и межгосударственных отношений переведены на русский язык, это тысячи томов. В нашем институте находится уникальная и единственная в мире синологическая библиотека, в которой хранится 300 тыс. томов только о Китае.

В самое трудное время, когда распался Советский Союз, коллектив нашего института, как вызов судьбе, начал создавать уникальный труд — «Энциклопедию духовной культуры Китая», которая вышла в 6 томах и получила Государственную премию. Этот труд был высоко оценен нашими китайскими друзьями, аналогичного в мире нет даже в Китае. Я хочу сказать, что отношения между нашими странами имеют примерно 400-летнюю историю, где было всякое, но доминирующей была тенденция поиска добросо-

седства, взаимопольного, взаимовыгодного сотрудничества. Хочу обратить внимание на одно историческое событие, которое сейчас происходит. За всю историю отношений между нашими странами Китай впервые посещает с официальным визитом Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Русская православная церковь была создана по взаимной договоренности между императором Петром I и великим китайским императором-просветителем Канси. Этому предшествовал конфликт, который произошел на границе. Большая группа русских защитников города Албазин так героически сражалась за свою крепость, что это произвело колоссальное впечатление на императора Канси. Он поступил так, как поется в опере «Князь Игорь»: «Вы не пленники мои, вы моя гвардия», — он взял их в плен и сделал частью своей личной охраны. Император выделил участок земли в Пекине, где сейчас находится российское посольство, и разрешил отправлять культ православия. Когда батюшка, который пришел вместе с бывшими пленными, умер, Канси написал письмо императору Петру I, чтобы он прислал человека, который будет духовным отцом этих его подчиненных. Так возникла русская духовная миссия и произошел первый диалог цивилизаций, основанный на взаимопонимании, взаимостремлении понять и учесть позицию друг друга.

Я хочу сказать, что наши страны извлекли уроки из 20-летней ссоры между Советским Союзом и Китаем, которая возникла по вине двух лидеров — Мао Цзэдуна и Хрущева, и выстроили отношения на невмешательстве во внутренние дела друг друга, уважении выбора друг друга, желании учиться друг у друга, помогать друг другу. Они создали предпосылки для того, чтобы в течение очень короткого исторического срока, 20 лет, российско-китайские отношения поднялись до уровня всеобъемлющего стратегического взаимодействия и доверительного партнерства и был подписан договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Мы учитываем опыт наших китаистов и пытаемся внедрить в сознание россиян, российской общественности те полезные принципы, которые присущи китайской культуре. Одним из важнейших является принцип уважения и желания сохранять, пестовать разнообразие, потому что оно является фактором, способствующим взаимообогащению, взаимному развитию, а не унификации, не китаизации русской культуры и не русификации китайской культуры, а именно взаимной учебе и взаимному влиянию. Хочу подчеркнуть, что именно на этом принципе Российское государство строит свои отношения и с другими культурными цивилизациями.

Третий вопрос касается применения данного принципа в установлении отношений между культурами. Должен отметить, что для того, чтобы строить добрые отношения с целью изучения сущности, понимания проблем, национальных интересов всех других народов, в России создана целая система (уникальная, ни в одной стране такой нет) научного, гуманитарного, педагогического изучения и освоения культурного наследия других народов. По инициативе Юрия Владимировича Андропова, в конце 1950-х —

начале 1960-х годов в рамках Академии наук СССР были созданы подразделения, которые изучали культуры всех народов, всех крупных цивилизаций. Самый старый в этом плане институт — Институт востоковедения РАН, который уже более 200 лет изучает культуры наших восточных соседей — от Ближнего Востока до Северной Африки. Одновременно были созданы Институт США и Канады, Институт Африки, Институт Дальнего Востока (для изучения современного Китая), Институт Латинской Америки, Институт славяноведения и балканистики — все эти учреждения обобщают опыт других культур, других цивилизаций, и на этой основе мы строим отношения, устанавливаем контакты, ведем диалог с нашими партнерами во всех странах. Хочу сказать, что в этом отношении наш опыт полезен для дальнейшего углубления диалога цивилизаций.

А. И. КУЗНЕЦОВ: — Спасибо большое, Михаил Леонтьевич, Ваше выступление — это настоящий гимн принципу единства многообразия, который вообще бы стать девизом диалога культур. Этот древний принцип, сформулированный еще апостолом Павлом, является общим для всех культур и цивилизаций. Я предоставляю слово профессору Ричарду Льюису.

Р. ЛЬЮИС: — Прежде всего я хочу сказать, что просто удивляюсь богатству идей нашего собрания ученых. Мне было приятно, когда академик Запесоцкий сказал не только о диалоге цивилизаций или диалоге народов, но и о диалоге в сфере бизнеса. Я участвую в работе примерно 70 иностранных компаний и должен отметить, что диалог бизнеса, диалог между компаниями обычно проходит довольно гладко, и для этого есть свои причины: они хотят заработать деньги. Крупные компании действительно работают очень упорно и совершенствуют диалог своих международных подразделений. Если мы посмотрим на 10 крупнейших компаний в мире, многие из них даже крупнее по масштабу, чем правительства отдельных стран, то они занимаются разного рода деятельностью, и мы не можем игнорировать то, что происходит. Здесь я проявляю оптимизм, потому что вижу, что произошло за последние 20 лет. Качество обсуждения в таких международных командах значительно возросло, они успешно между собой общаются.

Возьмем такую страну, как Швейцария, о которой никто еще пока не говорил. Швейцария — это хороший пример страны, где разные культуры сосуществуют и успешно развиваются. Не знаю, наверное, трудно было заставить французов, немцев и итальянцев работать вместе, для этого потребовался и длительный срок, и национальный гений. Бизнес, я бы сказал, опережает политическую сферу, позволяет добиваться прогресса и учиться работать в этом процессе с такими разными взглядами и подходами. Думаю, что глобальная культура непременно родится и она будет сосуществовать с местной культурой, более узким понятием, но это будет происходить медленно. Соединенным Штатам Америки понадобилось 170 лет после революции для того, чтобы стать действительно еди-

ной нацией. Трудно ожидать от Европы, что это может произойти за 20–30 лет, это слишком оптимистично. Европе тоже придется просуществовать 100–150 лет, прежде чем сформируется культура, подобная культуре Соединенных Штатов. И Россия не может оставаться изолированной на своем огромном пространстве от Калининграда до Владивостока. У нее крупнейшие территории в мире, самые протяженные границы, огромные залежи полезных ископаемых. Конечно, Россия с ее почти 150-миллионным населением должна занимать лидирующие позиции в Европе, я убежден, что это произойдет.

Глобальная цивилизация, глобальная культура возникнет на основе связей, которые формируются уже сейчас. К примеру, Интернет, которого раньше не было, а что будет потом, через 10, 20, 30, 40 лет? Мировая культура будет формироваться очень быстро, и Россия будет ее обязательным элементом. Тут уже упоминались страны БРИКС, и этот союз будет очень мощным фактором развития в ближайшем будущем, так как составляет половину населения мира. И Россия могла бы стать голосом БРИКС, настоящим посредником между странами Старого Света и новыми лидерами. Россия иногда бывает, так скажем, не очень популярной в мире, но она гораздо более популярна, чем мы думаем. В наш институт в Англии приезжали коллеги из Казахстана, Азербайджана, Туркменистана, Таджикистана, и все они общались между собой по-русски. Все очень хорошо отзывались о российском опыте, который насытил содержанием их национальный опыт, и положительно к этому относились. А возьмите такую страну, как Финляндия, вашего соседа. Финляндия показала миру, что она передовая страна и у нее добрососедские отношения и с Западом, и с Россией. Я прожил там более 5 лет и знаю, что это чистая правда, поэтому не надо испытывать пессимизма по отношению к России. Российскому государству, конечно, нужно иное брендрование. Россия сейчас как раз находится в процессе ребрендинга, что можно только приветствовать. Поэтому я был бы весьма оптимистичен, России предстоит сыграть великую роль не только в диалоге культур, но и в диалоге бизнеса. Большое спасибо.

А. И. КУЗНЕЦОВ: — Слово предоставляется госпоже Александре Гамильтон.

А. ГАМИЛЬТОН: — Большое спасибо за очень интересную дискуссию. Я бы хотела поговорить о впечатлениях вчерашнего дня, поскольку на пленарном заседании было очень интересно слушать обсуждения разных участников в течение всего дня. А вечером, я думаю, многие из участников ходили на балет «Спящая красавица». На этой замечательной постановке я стала свидетельницей и участницей другого диалога — диалога сердец. Если мы не будем вкладывать сердца в наши обсуждения, у нас не будет прогресса и мы не сможем восстановить свою роль как человеческие существа. Вчера мы видели историю Спящей красавицы, как все королевство заснуло, потеряв всякое осознание окружающего мира. И сейчас в мире отдельные нации, народы тоже находятся

в бессознательном состоянии. И тут появляется черная энергия, как в балете в виде феи Карабос (интересно, что в спектакле фею Карабос танцевал мужчина, что очень непривычно). Но что спасает? Свет и любовь. Когда принц целует юную принцессу и возвращает к жизни человечность, именно в этом проявляется любовь. Нам нужна любовь, чтобы понять друг друга, и я полагаю и верю, что именно это искупит наши исторические ошибки. Так что спасибо вам за возможность, что мне представилась, участвовать в этом замечательном форуме.

А. И. КУЗНЕЦОВ: — Спасибо, госпожа Гамильтон, хочется аплодировать, потому что Вы внесли такой эмоциональный, человеческий элемент в нашу дискуссию. Я восхищаюсь тем, как люди могут понимать художественные произведения и извлекать из них полезные уроки для всех. Приглашаю выступить господина Ганса Кехлера.

Г. КЕХЛЕР: — Краткий комментарий по поводу основных тем сегодняшнего обсуждения. Для меня один из крупнейших вопросов, который связан с межкультурной коммуникацией, межкультурным диалогом, — это напряжение, которое создается между единообразием и разнообразием. Это эффект, который нельзя отрицать, поскольку динамика глобализации следует тенденции внесения единообразия в наш образ жизни. Уже столетия это продолжается по всему миру. Куда бы я ни поехал, в Европе, в мусульманском мире, на Дальнем Востоке, — везде можно видеть эти базовые компоненты, ингредиенты западной культуры в музыке, в потреблении. Идете вы в супермаркет здесь или в Токио, даже в Тегеране можно найти одни и те же товары, в одном и том же стиле, разработанные под одними и теми же торговыми марками. Так что разницы нет. Я австриец, и мы гордимся своими элегантными магазинами в центре Вены, но вы в них можете найти то же самое, что и в любой другой части света. Но, несмотря на это единообразие, существует и противоположная реакция, которая многих людей в тех регионах, которые сейчас подвергаются влиянию западного образа жизни, заставляет подтверждать или вновь утверждать их культурные идентичности. Давно уже, много лет назад, несмотря на всю власть и западное влияние, иранцы вдруг решили, что сущность их национальной идентичности составляет их исламское наследие. То, что мы в последние годы называли «арабской весной», другие люди называли «арабской революцией» или «восстанием», тоже отчасти может быть связано с этим утверждением культурной идентичности.

И небольшое последнее замечание в отношении того, что сегодня говорилось. Большая проблема, которая стоит перед нами, — это четко разделить общее и частное в том, что касается ценностей, чтобы нам не впасть в ложный универсализм, как назвал это профессор Ричард Фокс. Давайте рассмотрим, например, вопрос о правах человека, здесь толкование очень важно. Большинство государств поддержали Всеобщую декларацию прав человека, но в чем индивиду-

альность и какова диалектика взаимоотношений между Западом традиционным и в итоге консервативным? Я полагаю, что в Европе, например, несмотря на то что мы следуем привычному толкованию статуса индивидуума в обществе, мы думаем, что он таким же должен быть и в других обществах. Мы должны изменить наши подходы на этой поздней стадии промышленного развития или, может быть, даже уже в постиндустриальном обществе, мы не можем навязывать кому-либо свои идеи, потому что есть разные принципы, разные стадии социальной идентичности и есть способы, с помощью которых общество может выжить. Если бы мы смогли найти для этого новое оружие, то это бы называлось культурой империализма.

А. И. КУЗНЕЦОВ: — Слово предоставляется профессору Петру Петровичу Толочко.

П. П. ТОЛОЧКО: — Дорогие коллеги, у меня появились три реплики в связи с сегодняшней нашей дискуссией. Первая вызвана выступлением коллеги Проданова о том, что часто в нашем нынешнем национальном развитии история становится заложницей национальных предпочтений, и мы хотели бы видеть себя такими, какие мы есть сегодня, в глубокой древности, что на самом деле невозможно. Возникает вопрос об ответственности ученого сообщества перед нынешним развитием. Ученые не имеют права идти на поводу общественного мнения, они не должны нравиться обществу, они должны исповедовать только принцип истинности, но, естественно, в возможном объеме нашего познания, и не следовать за общественным мнением, а вести его, и тогда, я думаю, у нас будет меньше проблем. Комиссии между Польшей и Россией, между Украиной и Россией, между Польшей и Украиной, конечно, должны сыграть роль в стабилизации наших отношений и выравнивании диалога, мы не должны бесконечно спорить и предъявлять исторический счет друг другу.

Вторая моя реплика связана с выступлением нашего уважаемого посла Хуана Антонио Марка о том, что советская модель, или та наша модель на 1/6 части земного шара, была нежизнеспособной и как будто бы сама себя изжила, а есть очень хорошая модель — американская. Я бы тут поспорил с коллегой, как сказал академик Титаренко, наша плохая модель сохранила все 120 малых народов, а хорошая американская модель уничтожила все народы, которые там были до ее внедрения. И потом, я не думаю, что принцип «Где хорошо, там и Родина» — это принцип современного человека. Если бы вдруг не стало моей Украины или России и мне пришлось бы выбирать, то я бы все-таки предпочел Испанию, а не Соединенные Штаты Америки.

Третья реплика касается прав и свобод человека. Вы знаете, я не убежден, что надо так абсолютизировать права и свободы, ведь это уже пошло против промысла Божьего, некоторые страны уже по существу занялись отрицанием жизни. Я бы оплакивал судьбу Европы в связи с тем, что ее народы исчезнут. Но, слава богу, есть другие народы, которые ведут традиционный

образ жизни, и если вы исчезнете, ваше место займут другие, но стоит ли идти по этому пути, сохраните Европу. Спасибо.

А. И. КУЗНЕЦОВ: — Слово предоставляется сэру Тимоти О'Ши.

Т. О'ШИ: — Интересные были дискуссии вчера и сегодня, я бы хотел подчеркнуть еще раз то, что сказала леди Аберкорн. Если думать о культуре, не стоит думать об узких вопросах — политических, экономических, конечно, культура должна включать и художественное творчество, и бизнес, ее надо понимать гораздо более широко. Думаю, в будущем не будет никаких трудностей с решением проблемы преобладания представителей мужского пола в правительствах стран Европы. Я один из тех, кто готов к тому, что вокруг будут

жить люди разных культур, поэтому не стоит ограничивать свои подходы и взгляды. Для меня диалог — это когда один человек что-то говорит, а другой в аудитории на основе опыта или информации выдвигает аргументы против, начинает спорить. Уверен, что цель международных встреч о культурном диалоге очень благородна. Спасибо.

А. И. КУЗНЕЦОВ: — Мы с вами подошли к концу нашей работы, и должен отметить высокую организованность и качество дискуссии. Если мы скажем, что это был интересный, увлекательный обмен мнениями, то это будет не просто данью вежливости или какой-то формальностью, а это действительно так. В заключение хочу поблагодарить наших переводчиков, которые помогли нам в этом интересном диалоге культур. Спасибо!